

ГЛОБАЛЬНЫЕ СУДЬБЫ РЕЛИГИЙ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

© 2016 г. Е. Рашковский, Е. Никифорова

Статья представляет собой аналитический обзор материалов конференции, состоявшейся во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино в декабре 2015 г. Участники конференции в своих выступлениях касались проблем сосуществования западной и восточной цивилизаций, религиозной динамики регионов, вопросов духовной жизни современного человека и его религиозного опыта в нынешних условиях обострения межрелигиозных противоречий, эскалации насилия и опасности развития агрессивных форм идеологии. Глубокое изучение наследия мировых религий, опыта европейской цивилизации как цивилизации гуманистической и рациональной становится важным условием критического мышления и анализа нынешних, зачастую драматических событий нашего мира.

Ключевые слова: конфликт цивилизаций, мировые религии, глобалистика, межрелигиозный диалог, религиозная динамика, Запад и Восток.

Статья поступила в редакцию 13.01.2016.

DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-7-96-103

8 декабря 2015 г. во Всероссийской государственной библиотеке иностранной литературы им. М.И. Рудомино (ВГБИЛ) была проведена научная конференция “Религии Запада и Востока: притяжение и отталкивание”, в которой приняли участие ученые из ВГБИЛ, Института всеобщей истории РАН, Института Европы РАН, Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Исламоведческого центра Марджани, Общедоступного Православного Университета Александра Меня, Российского государственного гуманитарного университета, Российского философского общества, Финансового университета и Центра толерантности¹.

Основной теоретической “интригой” конференции стало обострившееся в современную эпоху противоречие между сквозными духовными темами великих мировых религий и пронизывающими историю межрелигиозными антагонизмами, за которыми стоят различия культурных традиций, неравномерная динамика социально-исторического

развития и связанных с ней групповых интересов, а также различия в психологическом складе людей. Не последнюю роль в этих антагонизмах играет и несопоставимость самих предметных содержаний разных религий (представления о времени, человеке и Вселенной, несхожий философский и символический строй, различия в организационных, литургических и психологических формах религиозного опыта).

В ходе конференции были рассмотрены три группы вопросов:

- общие вопросы теоретического религиоведения;
- вопросы истории религий (анимистические верования, верования народов Дальнего Востока, индуизм, ислам, иудаизм, христианство в головокружительном многообразии его церквей, толков и течений);
- вопросы религиозной динамики нынешнего глобального мира (в частности, взаимозависимость “электронной” культуры и тенденций архаизации массового сознания).

Общетеоретические предпосылки конференции были сформулированы ее научным руководителем **Е.Б. Рашковским** (ВГБИЛ/ИМЭМО РАН)².

Казалось бы, диалог мировых религий – крайне важный и необходимый процесс, особенно в нашем турбулентном мире. Ибо в высших своих проявлениях всечеловеческий религиозный опыт (по

РАШКОВСКИЙ Евгений Борисович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Всероссийской государственной библиотеки иностранной литературы им. М.И. Рудомино, 109189 Москва, ул. Николаямская, 1; главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (eugenio@libfl.ru).

НИКИФОРОВА Елена Геннадиевна, аспирант Центра проблем модернизации и развития ИМЭМО РАН, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (ombrel@gmail.com).

¹ Программу конференции см. <http://libfl.ru/?page=225465318>.

² Тема его доклада: “Европеистика, востоковедение и славистика: встреча трех областей знания”.

крайней мере, последних двух-двух с половиной тысячелетий) имеет единый проблемный стержень: благоговейное и благодарное постижение полноты Бытия (так он описан в трудах великих философов и религиоведов прошлого, XX столетия – от Анри Бергсона до Яна Ассмана). Этот духовно-нравственный стержень и является основой взаимопонимания между людьми, столь несхожими по происхождению, воспитанию и интересам. И, стало быть, на этом стержне строятся и все принципы диалогов, толерантности, солидарности. И человек развитой духовной организации попросту не может обойти эти принципы.

Однако в реальной жизни эта теория подвергается существенной корректировке. Ибо именно реальная жизнь воздвигает между людьми бесчисленные социоэкономические, этноконфессиональные, языковые, экологические, биосоматические и иные барьеры. Но и это еще не все. Людей разделяет и то обстоятельство, что философские, символические и психологические содержания различных религий практически не поддаются взаимному обмену, взаимному конвертированию. И это порождает все новые и новые формы непонимания, тем паче, что эти духовные и эмоциональные различия подогреваются (а в критические моменты истории – воспаляются) и расхождениями земных интересов и страстей. Такова общеисторическая реальность.

Нынешняя эпоха знаменуется новым, глобальным всплеском религиозных антагонизмов. И дело не только в обострившейся борьбе за мировую гегемонию и за скудеющие природные ресурсы. Дело также и в том, что значительная часть человечества оказалась погруженной в эпоху *полуинтеллигентов*, то есть людей, осмысливающих теоретические и духовные проблемы посредством однозначных интеллектуальных штампов и клиповых образов. Из этого следует, что мы переживаем время упадка самосознания, время регрессии к обрывочно-образному, по существу, к допонятийному мышлению, к тому же на базе электронных технологий. Время вольного или невольного обрыва связей с важнейшими эстафетами мировой культуры: с Библией, с античной философией, с теоретическими наработками мировых религий, с великой светской культурой Европы XVII – первой половины XX в. Закономерным следствием этого эмоционального перегрева является и оскудение религиозного опыта, которое неизбежно оборачивается террором, огнем и кровью. Так что современные религиоведческие исследования представляются важными в смысле оценки и понимания сегодняшних и завтрашних глобальных судеб, включая и судьбу России.

В данном обзоре приводится не сквозное изложение материалов конференции как таковой, а

лишь тех ее аспектов, которые напрямую связаны с нынешней общественно-политической проблематикой.

СЮЖЕТЫ ИНДИЙСКИЕ

С развернутым докладом “Гражданское общество и религиозная динамика Индии” выступила **Е.Г. Никифорова** (ИМЭМО РАН).

Индия – крупнейшая демократическая мировая держава: из 1.25 млрд. населения избирательными правами пользуются 815 млн. Это государство – весьма крупный и по сей день по достоинству не оцененный экономический, политический и культурный игрок на мировой арене. Сейчас Индия занимает третье место в мире по ВВП³ (после КНР и США). Огромен и веками складывавшийся ее интеллектуальный потенциал: индийские ученые, работающие как на родине, так и на Западе, нередко играют существенную роль в развитии передовых направлений современной науки (физики, математики, информатики, медицины, фармакологии, экологии, историографии и т.д.). Инновационная модель роста позволяет стране вести активную внешнюю политику, чему также способствуют и претензии Индии на роль противовеса Китаю в Азиатско-Тихоокеанском регионе [2].

Однако современная модель индийской демократии весьма специфична, ибо она базируется не столько на европейских принципах автономии индивидов и гражданских корпораций, сколько на коллективах традиционного или же обновленно-традиционного типа: кастах, этносах, локальных и/или лингвистических сообществах, землячествах, религиозных конфессиях и толках. И общей матрицей этой специфической индийской демократии – демократии полутрадиционных коллективных ее субъектов – оказывается великая мировая религия индуизма. Благодаря своей инклюзивности и обилию несчетного числа кастовых ниш (любое религиозное течение может быть описано как один из возможных кастово оформленных индуистских толков) индуизм допускает общую идентификацию всех социальных групп и становится общим основанием индийской цивилизации [3].

Естественными издержками этой демократической системы, выстроенной на традиционных (и главным образом кровно-родственных) основах, оказываются повсеместное кумовство и коррупция, криминал во властных структурах, сексуальное насилие, а также не угасающий в течение многих десятилетий антагонизм между индуистским большинством и многомиллионными приверженцами

³ Представленный по паритету покупательской способности [1].

ислама⁴. Отсюда – и нередкие случаи распрей, погромов, спорадических групповых и индивидуальных стычек, порой со смертельными исходами. В последние годы имели место и жестокие нападения воинствующих индуистов на христиан, которых в стране также миллионы⁵.

И все же в Индии существует специфическое и разветвленное гражданское общество, допускающее – пусть даже чаще всего на патерналистской основе – возможность достижения политических договоренностей, компромиссов и коалиций, причем на разных уровнях (муниципалитеты, дистрикты, штаты, центральная власть). По данным Е.Г. Никифоровой, в апрельско-майских общенациональных выборах 2014 г. приняло участие порядка одной тысячи политических партий. Другое дело, что большинство этих партий действует на основе кастовых, этнических и религиозных групп и коалиций, но тем не менее это партийное многообразие составляет неотъемлемую часть индийского политического ландшафта. И не только на локальных уровнях, но и на уровне общенациональном.

Индийское гражданское общество складывается не только из партий, но и из множества профсоюзов, кооперативов и добровольных некоммерческих организаций – просветительских, медицинских и оздоровительных, милосердных, женских, научных, экологических, правозащитных. И эти организации (вопреки сопротивлению, пропаганде и даже репрессиям со стороны сторонников воинствующего индуизма и связанных с ними властей) также оказываются неотъемлемой частью индийского политического ландшафта. Они играют значительную роль еще и потому, что за ними стоит императив сохранения экологических основ выживания индийского общества в условиях ускоренной индустриализации и подчас не вполне продуманных властных решений в экономической и оборонной сферах [4]. Эта ситуация тем более сложна, что сторонники воинствующего националистического индуизма (“хиндутвы”) являются одновременно и сторонниками ускоренного индустриального и военно-технического роста, даже невзирая на хрупкость экологической базы индийского общества.

⁴ Если, разумеется, исключить своеобразные и весьма умеренные исламские и полуисламские направления (исмаилизм, ахмадия, бахаи). Что же касается направлений более “традиционных” и строгих, то нынешней Индии, равно как и соседнему Пакистану, знакомы и жестокие внутрисламские распри (между суннитами и шиитами).

⁵ Заслуживает упоминания мысль участвовавшего в конференции Э.И. Соркина (Российское философское общество) о том, что размывание устоявшихся и привычных форм гнета и переструктурирование кодеров бытового и политического поведения приводит к временной деморализации части общества и к криминальным “накатам”.

Как было показано в докладе Е.Г. Никифоровой, за гуманистическими и демократическими тенденциями в индийском политическом развитии угадываются мощные исторические предпосылки и огромный человеческий потенциал. Исторические предпосылки связаны с религиозным гуманизмом мыслителей “Бенгальского Возрождения” – от Раммохана Роя (1772–1833) до Рабиндраната Тагора (1861–1941) [5, 6] – и с теорией и практикой Сатьяграхи (то есть ненасильственного упорствования в том, что истинно и свято) Махатмы Ганди [7, сс. 85-115]. Примечательно, что идеи волонтерства и социального активизма остаются весьма популярными в индийском обществе во многом благодаря авторитету Махатмы Ганди, а его методами и сегодня часто пользуются протестующие (марши мира, голодовки до смерти, акции гражданского неповиновения) [8, р. 75; 9, р. 9].

Закономерным откликом передовой части индийского общества на натиск “хиндутвы” стало набирающее силу, прежде всего в мегаполисах, мирное, но все же весьма активное движение против коррупции, криминалитета и сексуального насилия. Созданная в 2014 г. на светской и внекастовой основе, использующая гандистскую символику и ненасильственные методы протеста “Аам Аадми Партии” (Партия простого человека) добилась господствующего положения в федеральном округе Дели. Однако эта, по определению лидера нового гражданского движения Анны Хазаре, “вторая борьба за независимость”, то есть, по существу, за подлинное раскрепощение страны на демократических и гуманитарных основаниях, находится, по мнению докладчика, лишь на ранних стадиях развития.

СЮЖЕТЫ РОССИЙСКИЕ

Независимо от того, как сложатся судьбы Европы (включая и ее восточный, российский фланг), взлелеянные веками истории европейской культуры ценности эгалитарного правосознания и непрерывно анализирующей и пересматривающей самое себя научной мысли, включая и мысль технологическую, были и остаются определяющими в жизни современного мира. И в этом смысле – как бы то ни раздражало ревнителей евразийских или панславистских идей – история нашего времени как была, так и остается во многих отношениях европоцентричной. Европоцентричность истории последних веков распространяется и на славяно-балканский мир – этот как бы внутренний Восток Европы [10].

И это обстоятельство, как отмечал Б.Е. Рашковский (ВГБИЛ/Центр толерантности)⁶, имеет важные политологические обертоны. Действительно, несмотря на все вспышки и пароксизмы реакции, дискурс взаимосвязи личного достоинства человека и общественной свободы (во всем многообразии его радикальных, либеральных и консервативных версий) все же остается непоколебленным. Теоретические же основания этого общеполитического дискурса коренятся, по мысли Б.Е. Рашковского, в сложном взаимодействии двух мировоззренческих направлений, характерных для европейской культуры позапрошлого столетия, – позитивизма и романтизма. Если первый отстаивал непреложность прогресса рациональных знаний (при всех его прерывностях, паузах и откатах), то второй – идею глубины и неподвластности внутренней жизни и внутреннего опыта человека внешнему насилию⁷.

Сюжеты российские, так или иначе с национальными преломлениями этой общечеловеческой проблематики общественной и внутренней свободы, проблематики, без которой изучение мировых религий вообще невысказимо, не были предметом систематического рассмотрения на нашей конференции, если только не считать доклада **К.Н. Михайлова** (РГГУ) “Русская православная церковь и Дальний Восток”. Однако прямо или косвенно тема “Россия, Запад и Восток” оказывалась в большинстве выступлений едва ли не центральной.

По мнению К.Н. Михайлова, исторические успехи миссионерской деятельности русского православия на внутреннем Дальнем Востоке России и в сопредельных дальневосточных странах во многом объяснялись не столько заслугами официальных церковных структур, тесно связанных с государственной властью⁸, сколько личной самоотверженностью части российских миссионеров. В этой связи можно вспомнить имена святителей Николая Касаткина, Иннокентия Вениаминова и др. Что же касается нынешнего российского Дальнего Востока, то он испытывает рост влияния протестантских миссий (речь об этом пойдет ниже), что не может не заботить руководство Русской православной церкви (РПЦ). Вот, по данным Н.К. Михайлова, характерное тому свидетельство: лишь 45% архиере-

ев РПЦ имеют высшее светское образование, тогда как в епархиях российского Дальнего Востока этот процент доходит до 70⁹. А если говорить о православной пастве того же региона, то надо отметить, что европейское население Российского Дальнего Востока сокращается, в частности и потому, что люди стремятся перебраться в европейскую часть страны, а некоторые – и вовсе за ее пределы. И дело не только в нелегком климате, но и в общей неурегулированности, неустроенности системы общественных и политических отношений в стране, включая и наш Дальневосточный регион [12]. Тем более, что наш Дальний Восток и в царское время был местом ссылки, а в советское – вотчиной “Дальстроя”, этого структурного подразделения ГУЛАГа.

Как К.Н. Михайлов, так и **Р.Н. Лункин** (Институт Европы РАН)¹⁰ указали на целый ряд объективных трудностей общецерковного строительства РПЦ, связанных, прежде всего, с “национальным вопросом”. Ибо, с одной стороны, иерархи РПЦ закономерно озабочены численным сокращением русского народа и положением миллионов русских людей за пределами Российской Федерации. Однако, с другой стороны, при всех (довольно редких) заявлениях духовенства РПЦ о ее “многонациональности” и “вселенскости”, ее тесная связь с великорусской культурой и с российской мирской властью препятствует миссионерской активности: представители многих нерусских народов нередко видят в православном миссионерстве угрозу своей идентичности.

Волнующие всех судьбы современного российского ислама также нашли отражение в наших слушаниях. С точки зрения **Т.В. Котюковой** (Институт всеобщей истории РАН/Фонд Марджани)¹¹, немалой бедой в истории мусульманства в России стали антирелигиозные репрессии конца 20–30-х годов прошлого века¹². Они коснулись, в частности, и немногочисленных сторонников “новометодного” направления (“джаидов”), возникшего среди мусульманского духовенства, педагогов и ученых.

⁹ На наш взгляд, эта цифра в высшей степени красноречива не только в плане российской, но и в плане глобальной истории: в течение последних десятилетий мировые центры экономической и интеллектуальной активности неуклонно смещаются в сторону Тихоокеанского региона.

¹⁰ Доклад: “Экспансия протестантизма на Востоке и в странах Латинской Америки”.

¹¹ Доклад: “Запад есть Запад, Восток есть Восток, и как им сойтись: спор бухарца Фитрата с европейцем в Индии”.

¹² К сожалению, историки обращают мало внимания на то обстоятельство, что эти репрессии совпали по времени и с коллективизацией, и с разгромом оппозиционных течений внутри ВКП (б), и с антиинтеллигентскими (“вредительскими”) процессами, и с истреблениями в командирском корпусе Красной Армии.

⁶ Доклад: “Новые материалы об исследовательской деятельности А.С. Фирковича в 1840-е годы в Крыму и на Кавказе”.

⁷ *Nota bene*. Науковедческие и историко-научные исследования второй половины XX столетия обосновали нерасторжимую взаимодополняемость обеих этих мировоззренческих установок. См. [10, 11].

⁸ В дореволюционный период, как указывал К.Н. Михайлов, Иркутская епархия, распространявшая свою юрисдикцию как на Русскую Америку, так и на православную миссию в Пекине, административно подчинялась не только Синоду, но и министерству иностранных дел.

По словам Т.В. Котюковой, многие из “джадидов”, разумеется, придерживались характерных для тех времен идей “утопического европеизма”, то есть безусловного сближения исламского мира с общими прогрессивными тенденциями в тогдашней европейской культуре. Однако разгром “джадидов” (наряду с попытками властей загнать всех российских верующих различных конфессий в полуподпольное культурное “гетто”) оказался одной из дальних исторических предпосылок того натиска обескультуренного и воинствующего исламского радикализма, который затрагивает и нынешнюю Россию, причиняя страдания, в частности, и российским мусульманам.

По мнению Т.В. Котюковой, сегодняшняя “контрмодернизация ислама”, оказавшаяся во многом следствием “сорвавшейся модернизации”, стала частью и нашей истории. И возлагать всю ответственность за это печальное явление на одних лишь российских мусульман едва ли правомерно и добросовестно. Однобокая, оторвавшаяся от глубоких культурных смыслов “технопопулистская модернизация” советской и отчасти постсоветской эпох также несет немалую ответственность за это явление [13, сс. 171-174].

“НОВАЯ ВОЛНА” РЕФОРМАЦИИ

Эта актуальная, но, к сожалению, малоизученная проблема текущей истории (в частности, и истории политической) затрагивалась в докладах К.Н. Михайлова и Р.Н. Лункина.

Речь, разумеется, шла не о “традиционных” некогда мощных, но отчасти ослабевших в нынешнюю эпоху протестантских исповеданиях (англиканство, лютеранство, Реформатская церковь), а о всплеске современных неопротестантских движений (пятидесятничество, “харизматы”, “Слово Жизни”, иудео-христиане и др.). Историки (в том числе и церковные) неоднократно отмечали такую важную черту истории реформационных движений, как их связь с тенденциями этнического самоутверждения перед лицом централизованных империй, государств и церквей¹³.

По мысли Р.Н. Лункина, сегодняшний неопротестантизм за пределами Запада остается в русле проблематики старого реформационного “вопросника”, правда, уже без того богатства интеллектуальной и теологической базы, которая некогда так восхищала путешествовавшего по Европе М.Н. Карамзина [15]. К освоению этих богатств неопротестантская мысль только-только начинает приступать. Но у

нее есть и иное достояние: знание этнокультурных традиций конкретных неевропейских народов. Это относится и к коренным народам Латинской Америки, и к народам афро-азиатских ареалов (в частности, “племенного” северо-востока Индии), и даже к некоторым народам России (Дальний Восток, где успехи пятидесятничества особо очевидны, отчасти даже Северный Кавказ, некоторые районы Крайнего Севера)¹⁴.

Итак, современное неореформационное миссионерство умеет опираться на новейшие тенденции деприватизации религии, в частности, на связь современного протестантского религиозного опыта с традициями этнических и этнокультурных общин, со стремлением их ногаблей избавить своих соплеменников от алкоголизма и наркомании, от утраты родных обычаев и языков.

Речь идет не только об этнокультурной экзотике периферийных регионов, но и о миллионах новообращенных протестантов Индии и Китая, а также о развитии неопротестантских “цветных” приходов на окраинах мегаполисов Запада – приходов, которые вовлекают в свои ряды и представителей низовых и культурно обескровленных слоев исконного местного населения. Последнее обстоятельство лишней раз свидетельствует об интеллектуальной силе и способности европейской традиции (способности, теоретически восходящей к тому же Гердеру) *понимать системное многообразие мира* и, следовательно, влиять на аккультурацию социальных и этнических маргиналов. Репрессивные же и ксенофобские тенденции в европейской истории прошлых и нынешних времен, какого бы размаха они ни достигали, все же оказываются лишь темным и некреативным двойником этой универсалистской доминанты европейского наследия. Более того, как полагает Р.Н. Лункин, этот сложный процесс перетворения реформационного наследия Европы отчасти захватывает и мир “традиционных” религий¹⁵. И неслучайно докладчик связал некоторые реформаторские усилия Папы Римского Франциска I (выходца из семьи итальянских иммигрантов в Аргентине) с массовыми “протестантскими вызовами” в современном мире, в частности в Латинской Аме-

¹⁴ Вообще вклад протестантской мысли в познание этнокультур незападных народов известен еще с XVIII столетия, со времен Гердера. Выступавший на нашей конференции известный востоковед и тюрколог **И.В. Зайцев** говорил о немалом вкладе протестантов в историю отечественного востоковедения и библеистики (доклад: “Западное христианство на восточном рубеже Российской империи: католические и протестантские миссии в Астрахани в XVIII–XIX вв.”).

¹⁵ О произвольности и отчасти даже исторической случайности возобладавшем у нас в России разделении религий на “традиционные” и “нетрадиционные” см. [16].

¹³ Таково, например, мнение одного из авторитетных церковных историков о. Франтишека Дворника (1893–1975). См. [14, сс. 44-46].

рике¹⁶. Во всяком случае, можно поставить вопрос так: не является ли эта новая реформационная волна предвестием будущего социального и духовного собрания тех, кто обескровлен и отчужден? Или, по словам русской версии “пролетарского” гимна, *проклятьем заклейменных?*¹⁷

КУЛЬТУРА И АНТИКУЛЬТУРА

Само понятие антикультуры как используемого бюрократическими (в частности, экстремистскими и террористическими) институтами выхолащивания естественных для человека стремлений к познанию и смыслам было обосновано еще в середине прошлого века итальянским философом Микеле Филиппо Шаккой (*Sciacca*). По его словам, антикультура связана с процессами массового низведения истинного человеческого дара – *мышления* (*pensiero*) – до уровня клише, до уровня полумыслительного, полубразного и эмоционально перегретого *представления* (*imagine*). Вероятно, это как раз то самое, что в марксистском общественно-политическом дискурсе может быть определено как люмпенизация культуры, то есть как неизбежный спутник деградации политической и социальной [18, сс. 218-219]. Причем это касается любого из современных обществ, любого из регионов Земли¹⁸ [19].

Еще давным-давно было замечено, что экспансия воинственных и агрессивных форм идеологии и политической организации губительно сказывается не только на культурной сфере, но и на всей жизнедеятельности человека: деградируют быт и этикет, вымываются имевшие широкий спрос тонкие производства и ремесла, фальсифицируются

продукты питания и лекарства, участие в коррупционных схемах становится нормой приличия [20, столбцы 214-216].

И неслучайно на конференции было уделено немало внимания столь актуальному именно в условиях “наката” политического и религиозного экстремизма вопросу о *культурных гарантиях* общественно-политического развития как о несомненном противоядии нынешним силам беспамястства и манипуляции людьми. Этой проблематике были посвящены выступления **Р.В. Пеху** (Российский университет дружбы народов)¹⁹ и **В.В. Сорочкина** (Общедоступный Православный Университет Александра Меня)²⁰. По мнению обоих докладчиков, пристальное, критичное, источниковедчески обоснованное изучение великих мировых традиций интеллектуальной и духовной культуры составляет пусть одну из недостаточных, но все же необходимых предпосылок преодоления этого “наката”. Роль социогуманитарных знаний, добросовестных интеллектуалов и ученых в этом сегодняшнем глобальном борении культуры и антикультуры представляется непреложной. И это касается не только собственно культуры, но и – через мысль и культуру – всего комплекса современных общественно-политических, экономических и экологических отношений²¹. Более того, в нынешних условиях информационно взаимосвязанного глобального мира, отчасти упразднившего расстояния, прежняя трактовка высоких форм человеческой мысли и творчества как некоей “надстройки” представляется устаревшей, если не сказать антикультурной. Ибо эти формы оказываются неотъемлемой и всегда востребованной сердцевинкой всего комплекса жизнедеятельности современного человечества.

¹⁶ О глубине реформационных тенденций в Латинской Америке см. [17].

¹⁷ Автором русской версии “Интернационала”, бывшего некогда гимном СССР и КПСС, является Аркадий Коц (1872–1943); во французском оригинале Эжена Потье – “*les damnés de terre*”; в испанской версии – “*párias del mundo*”.

¹⁸ Руководство ИГ (запрещено в РФ) вынесло фетву о вырезании органов у живых пленников. Available at: <http://newsru.com/world/25dec2015/isis.html> (accessed 14.01.2016).

¹⁹ Доклад: “Понятие *Другой* в историко-философских произведениях Герхарда Оберхаммера”.

²⁰ Доклад: “Путь Йоги и путь Торы”.

²¹ Этот комплексный характер современной культурной драмы отчасти обоснован в упомянутой выше книге Н.Г. Рогожиной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. *The World Bank. Gross Domestic Product Ranking Table Based on Purchasing Power Parity (PPP)*. 29.12.2015. Available at: http://databank.worldbank.org/data/download/GDP_PPP.pdf (accessed 14.01.2016).
2. Володин А.Г. Эволюция внешнеполитической стратегии Индии. *Мировая экономика и международные отношения*, 2013, № 2, сс. 93-102. [Volodin A.G. Evolyutsiya vneshnepoliticheskoi strategii Indii [The Evolution of India's Foreign Policy Strategy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2013, no. 2, pp. 93-102.]
3. Рашковский Е.Б., Никифорова Е.Г. Индуизм: от племенных верований к мировой религии. *Мировая экономика и международные отношения*, 2015, № 5, сс. 104-112. [Rashkovskii E.B., Nikiforova E.G. Induizm: ot plemennykh verovaniy k mirovoi religii [Hinduism: from Tribal Beliefs to World Religion]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2015, no. 5, pp. 104-112.]
4. Рогожина Н.Г. *Экологическая политика развивающихся стран*. Москва, Аспект-Пресс, 2015. 336 с. [Rogozhina N.G. *Ekologicheskaya politika razvivayushchikhsya stran* [Environmental Policy in Developing Countries]. Moscow, Aspekt-Press, 2015. 336 p.]
5. Скороходова Т.Г. *Бенгальское Возрождение. Очерки истории социокультурного синтеза в индийской философской мысли Нового времени*. СПб., Петербургское востоковедение, 2008. 320 с. [Skorokhodova T.G. *Bengal'skoe Vozrozhdenie. Ocherki istorii sotsiokul'turnogo sinteza v indiiskoi filosofskoi mysli Novogo vremeni* [The Bengal Renaissance. Essays on the History of Sociocultural Synthesis in Indian Philosophy of Modern History]. St. Petersburg, St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publ., 2008. 320 p.]
6. Skorokhodova T.G. The Bengal Renaissance: The Idea, Term and Description. *Modern Research Studies*. Tripura, 2015, vol. 2, no. 4, pp. 738-768.
7. Рашковский Е.Б. *На оси времен. Очерки по философии истории*. Москва, Прогресс-Традиция, 1999. 208 с. [Rashkovskii E.B. *Na osi vremen. Ocherki po filosofii istorii* [On the Arrow of Time. Essays on the Philosophy of History]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 1999. 208 p.]
8. Singh V. An Analysis of Concept and Role of Civil Society in Contemporary India. *Global Journal of Human Social Science*, 2012, April, vol. XII, issue VII, version I, pp. 68-77. Available at: https://globaljournals.org/GJHSS_Volume12/10-An-Analysis-of-Concept-and-Role.pdf (accessed 14.01.2016).
9. Sharma C.P. *Civil Society in India: Making Good Governance a Reality*. New Delhi, Centre for Civil Society, 2013, paper no. 303. 45 p. Available at: https://ccsinternship.files.wordpress.com/2013/05/303_civil-society-in-india-making-good-governance-reality_chandar-prabha-sharma.pdf (accessed 14.01.2016).
10. Зеленка М. Россия и Центральная Европа в символической и литературной географии (имагологическое исследование). *Россия и русский человек в восприятии славянских народов*. Москва, Центр Рудомино, 2014, сс. 27-37. [Zelenka M. Rossiya i Tsentral'naya Evropa v simvolicheskoi i literaturnoi geografii (imagologicheskoe issledovanie) [Russia and Central Europe in the Symbolic and Literary geography (imagological research)]. *Rossiya i russkii chelovek v vospriyatii slavyanskikh narodov* [Russia and the Russian People in the Perception of the Slavic Peoples]. Moscow, Rudomino Centre, 2014, pp. 27-37.]
11. Романовская Т.Б. *Наука XIX–XX веков в контексте истории культуры (субъективные очерки)*. Москва, Радикс, 1995. 142 с. [Romanovskaya T.B. *Nauka XIX–XX vekov v kontekste istorii kul'tury (sub"ektivnye ocherki)* [The XIX–XX Centuries Science in the Context of the History of Culture (Subjective Essays)]. Moscow, Radiks Publ., 1995. 142 p.]
12. Комарова О.Д. Демографические факторы формирования культурной дистанции. *Идентичность и конфликт в постсоветских государствах*. Москва, Московский Центр Карнеги, 1997, сс. 83-113. [Komarova O.D. Demograficheskie faktory formirovaniya kul'turnoi distantsii [Demographic Factors in the Formation of Cultural Distance]. *Identichnost' i konflikt v postsovetskikh gosudarstvakh* [Identity and Conflict in the Post-Soviet States]. Moscow, Carnegie Moscow Center, 1997, pp. 83-113.]
13. Рашковский Е.Б. “Кавказский меловой круг”: трагические судьбы региона. *Pro et contra*, 2002, т. 7, № 3, сс. 163-182. [Rashkovskii E.B. “Kavkazskii melovoi krug”: tragicheskie sud'by regiona [“The Caucasian Chalk Circle”: the Tragic Fate of the Region]. *Pro et contra*, 2002, vol. 7, no. 3, pp. 163-182.]
14. Dvornik F. Églises nationales et Église universelle. *Istina*, 1991, vol. 36, no. 1, pp. 9-52.
15. Карамзин М.Н. *Письма русского путешественника*. Ленинград, Наука, 1987. 716 с. [Karamzin M.N. *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian Traveler]. Nauka Publ., 1987. 716 p.]
16. Рашковский Е.Б. Мир религий в глобальной динамике: “традиционное” и “нетрадиционное”. *Мировая экономика и международные отношения*, 2014, № 8, сс. 110-119. [Rashkovskii E.B. Mir religii v global'noi dinamike: “traditsionnoe” i “netraditsionnoe” [The Universe of Religions in the Global Dynamics: “Traditional” and “Nontraditional”]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, 2014, no. 8, pp. 110-119.]
17. Barrera Rivera P. *Tradição, transmissão e emoção religiosa. Sociologia do protestantismo contemporâneo na América Latina*. São Paulo, Olho, 2001. 299 p.
18. Рашковский Е.Б. *Смыслы в истории. Исследования по истории веры, познания, культуры*. Москва, Прогресс-Традиция, 2008. 376 с. [Rashkovskii E.B. *Smysly v istorii. Issledovaniya po istorii very, poznaniya, kul'tury* [Meanings in History: Studies in the History of Faith, Cognition and Culture]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2008. 376 p.]

19. Зальцберг М. *Вперед! В каменный век!* [Zal'tsberg M. *Vpered! V kamennyi vek!* [Go! To Stone Age!]] Available at: <http://newconcepts.club/website/articles/1451.html> (accessed 14.01.2016).
20. Майский И.М. *Германия эпохи мировой войны. Четырехлетняя война и ее эпоха.* Москва, Энциклопедический словарь Гранат, Москва, Рус. библиогр. ин-т Гранат, 1924, столбцы 186-271. [Maikskii I.M. *Germaniya epokhi mirovoi voiny. Chetyrekhletnyaya voina i ee epokha* [Germany in World War I Period. The Four-year War and Its Era]. Moscow, Granat Encyclopedic Dictionary Publ., 1924, columns 186-271.]

GLOBAL DESTINY OF RELIGIONS: PAST AND PRESENT

(*World Economy and International Relation*, 2016, vol.60, no.7, pp. 96-103)

Received 13.01.2016.

Evgenii B. RASHKOVSKII (eugenio@libfl.ru),

All-Russian State Library for Foreign Literature, 1, Nikoloyamskaya Str., Moscow, 109189, Russian Federation;

Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

Elena G. NIKIFOROVA (ombrel@gmail.com),

Primakov Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (IMEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, 117997, Russian Federation.

The paper presents an analytical review of the conference held in the All-Russian State Library for Foreign Literature in December 2015. The participants of the conference – Orientalists, specialists in religion studies, historians, philosophers, theologians – considered problems of coexistence between the Western and the Eastern civilization, religious dynamics of different regions, spiritual life of a modern man and his religious experience in current conditions of inter-religious conflicts aggravation, escalation of violence, and dangers of aggressive ideology forms. Of special interest were historical preconditions for the present-day global religious situation as well as changes in the very content of modern religious conceptions and practices. A particular subject of interest for the participants were also religious problems in present-day Russia and India. Today, the religious sphere as a whole has to experience the pressure of three conflicting tendencies: the pressure of contemporary socioeconomic, technological and information imperatives; the counter-pressure of traditional local psychological and socio-cultural patterns; the immanent pressure of “big” religious traditions, with their specific and unavoidable theological and philosophical implications. This triple conflict is experienced presently by Oriental religions (Hinduism, Islam, etc.) as well as by Christianity. At the same time, this triple challenge seems to be a precondition for the world-wide development and expansion of Neo-Protestant beliefs and denominations. A thorough study of the world religions heritage, the experience of European values (humanism, rationalism) is intrinsically important for critical analysis of contemporary, often dramatic events in our world.

Keywords: clash of civilizations, world religions, global studies, inter-faith dialogue, religious dynamics, West and East.

About authors:

Evgenii B. RASHKOVSKII, Dr. Sci. (History), Principal Researcher, Head of Research Center for Religion Studies.

Elena G. NIKIFOROVA, Postgraduate Student.

DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-7-96-103